

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Ли Виксен

#МЕНЯ ЗОВУТ ЛИС

Фотография на обложке
Дмитрия Агеева

www.ageevphoto.com

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В43

В43 **Виксен, Л.**
Меня зовут Лис / Ли Виксен. — М.: Издательство АСТ,
2015. — 288 с.

ISBN 978-5-17-094761-4

Прикинувшись мальчишкой-солдатом, девушка Лис поступает на службу в легион Алой Розы. Ее не волнует судьба мира: было бы чем перекусить да где заснуть. Но все меняется, когда Лис находит учителя в лице сурового командира-иноземца Агоса и узнает страшную тайну, которую хранит генерал легиона — прекрасная и жуткая леди Алайла...

«Меня зовут Лис» — это не просто роман, а дверь в огромный мир неведомого королевства, в котором днем бушуют войны, а в свете костра рассказывают удивительные сказки. Это история девушки, бегущей от прошлого навстречу ужасам войны. Это сага о взрослении, самосознании и простых человеческих ценностях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094761-4

© Л. Виксен, 2016
© Дмитрий Агеев, фотография на обложке, 2016
www.ageevphoto.com
e-mail: pro-fotos@mail.ru
© ООО «Издательство АСТ», 2016

*Я хотела бы посвятить эту книгу тем, кому
в жизни не хватает мечты. Тем, кто как и я,
отчаянно ищет ее, лишь с тем, чтобы на миг
сжать в ладонях и сохранить ее угасающие блики.*

*Все мы, подобно Лис бежим вперед, торопимся,
надемся и до последнего верим, что обретем
мечту: откроем в свое время ларец с Любовью,
Верой или Истиной. Я надеюсь, что эта книга
хотя бы слегка раздует искры наших поисков.*

Попутного вам ветра!

Ното homini vulpis est
<Человек человеку лиса>

БУСИНА ПЕРВАЯ

Стояла жуткая жара. Капли пота стекали между лопатками по уже влажной спине. Легионеры справа и слева перекрикивались, поливая проклятьями и отборной руганью то ли врагов, то ли наших военачальников. Гул нарастал.

У меня заныла и зачесалась стянутая бинтами грудь. Ко всему прочему сильно давил нагрудник, выданный мне на складе. Он был такой маленький, словно предназначался ребенку. От палящего солнца я буквально закипала в броне. В голову пришло сравнение с моллюском в походном котелке. Сзади, как прибой, нарастал ропот, и ряд, который должен был прикрывать тыл, вдруг двинулся вперед без приказа. Солдаты, похоже, просто устали ждать, ведь мы проторчали здесь целое утро. И тут наш тыл тоже пошел в атаку.

Случилось то, что должно было случиться: меня сильно толкнули в спину, и я упала плашмя, лицом в нагретый солнцем песок. Мой подбородок не был защищен шлемом, и в рот сразу же набился песок. Похоже, мое падение не смутило солдат заднего ряда, потому как они просто пошли по мне. Из груди разом вышел весь воздух, раздался противный хруст. «Только

не ребра, пусть это будет броня», — промелькнуло в голове. Боли почти не было, но меня обуял настолько сильный страх, что я не почувствовала бы даже собственной смерти. Впрочем, шли по мне недолго: мы были предпоследней линией обороны. Снабженцы, поддержка, помощники, которые редко участвуют в настоящих сражениях.

Опершись на древко пики, я попыталась встать. Это хлипкое оружие, как и броню, мне выдали на складе. Все полученное там обмундирование было редкостным барахлом. Естественно, авангард одевали лучше, но у них и шансов умереть побольше, чем у снабженцев. Отплевываясь от песка и жмурясь от яркого солнца, я огляделась, пытаюсь понять, где идет бой. Впереди в мареве горячего воздуха виднелись лишь неясные силуэты.

Были ли это солдаты моего легиона? Я не знала. Это могли быть и демоны жары, танцующие на песке огромного Поля Песчаных мышей. Когда-то песчанки и правда здесь водились, но гражданская война превратила Поле в пустошь. Битвы случались тут чаще, чем дожди: слишком уж лакомой была эта земля для претендентов на престол. С одной стороны открывался путь на столицу Ярвелл, с другой — к плодоносным землям юга. Засесть в Песчаном бастионе и направлять свои войска на столицу — об этом мечтал каждый аристократ, сражавшийся за трон. Наниматель моего легиона — легиона Алой Розы — не был исключением. Именно поэтому мы и были здесь, именно поэтому меня втоптали в песок — все, чтобы выиграть этот клочок земли.

В песчаных вихрях впереди я не видела даже спин тех, кто прошел по мне. Догонять их уже не было смысла. Я оглянулась. Как оказалось, тыловики сбили с ног не только меня: неподалеку сидели старый дед, точно вышедший из могилы покурить табачку, и вихрастый однорукий парень, видимо потерявший равновесие из-за своего увечья. Вот они — доблестные воины-снабженцы. Ха-ха два раза.

— Нам заплатят? — поинтересовалась я. Вопрос был по существу: до настоящей битвы мы так и не добрались, а значит, и снабжать нам было некого. В таких случаях рассчитывать на плату не приходилось.

Дед выплюнул на ладонь пару зубов вперемешку с кровавой слюной. С сожалением на них посмотрев, он ответил:

— Заплатят, если не попадешься на глаза тем, кто по нам прошелся. Они могут и сдать офицерам.

Я протянула старику руку. Простой дружеский жест. Это движение, такое обыденное в мирной жизни, на поле брани выглядело глупо. Издали донеслись звуки боевого рога. Кажется, кто-то уже праздновал победу — вероятно, именно мы. Старик с отвращением поглядел на мою протянутую ладонь и, сплюнув еще раз кровь, встал самостоятельно.

Делать на Поле было нечего. Мы были лишними и даже чужими в этой победе. Оставалось только вернуться в лагерь. Так мы и поступили. Все вместе: старик, однорукий и я — ползелись под палящим солнцем прочь от сражения.

— Я слышал, лорд Виксрам заключил союз с Поглощающим из соседнего Удела Мрака. А тот привел с собой тысячу песчаных тварей, — решил поделиться с нами однорукий. Взгляд его при этом возбужденно горел.

— Чтоб у тебя язык отсох, дурень. Поглощающие не заключают союзов. А единственные песчаные твари на этом поле — это мы с тобой да вот эта тряпка, — сказал старик, кивнув в мою сторону.

Я поморщилась от грубости, но спорить не стала. Лучше пусть меня считают трусливым парнем, чем поймут, кто я на самом деле. Однорукий, однако, слишком воодушевился своей сплетней и замолкать не собирался:

— Ближайший Удел прямо за полем, возле замка. Может, Поглощающий и сам решит показаться? Жаль, что я тут, а не там — на передовой. Глядишь, увидел бы высшего мага одним глазком.

— Не дай тебе боги встретить кого-то ихнего рода на пути, — процедил сквозь зубы старик и вновь сплюнул красной слюной.

Но парень продолжал тараторить. Он болтал, словно деревенская сваха, не нуждаясь в одобрении слушателей. Меня же так мутило от жары и боли в груди, что слушала я одним ухом, мечтая лишь о том, как умою разгоряченное лицо водой.

— Ну, Атос и Поглощающего бы победил, как пить дать. И Сияющего. Он бы мечом — ууух!

— Да что ты заладил? Генерал-боец сегодня даже не сражался. Оборона у замка — две сотни лучников, прикрытых хлипкими воротами да тяжелой конницей. А она не ждала удара из леса.

Глаза однорукого округлились, будто две монеты:

— Так значит, это правда? Крамер распорядился вести наших с тыла, прямо через земли Поглощающего?

— Уж какая есть правда: леса совсем чуток захватили. Но рисковали сильно. К счастью, когда хозяин заметит, что в его Уделе потоптались гости — нас уже и след простыл. Легион тут не задержится, отойдем вглубь и отсидимся.

— А как же простые люди? — подала я голос, потому что меня возмутил беспечный тон старика. — Легион уйдет, но селяне останутся. И разъяренный вторжением Поглощающий тоже.

— Они всегда остаются, и если высший маг решит на них отыграться... что ж, не повезло.

Я словно глотнула кислого уксуса. На войне такое не редкость — каждая выигранная битва, каждый удачный стратегический ход ставил под удар кого-то другого. Солдаты уходили, а жизнь продолжалась.

— Вот вам и чистая победа, — с горечью заметила я.

— Уж не тебе болтать о победе, — вдруг взвился старик. — Таким, как ты, место в пехоте, в первых рядах. Здоровый парень, ростом мал, но ноги-руки на месте. Какого Войи ты вообще в снабженцах?

Обычно я отмалчивалась, потому что жизнь в легионе меня научила: чем меньше сказано, тем больше шансов остаться целой. То был мир мужчин, где я обманом и хитростью выбила себе место. Но в этот раз слова все-таки сорвались с языка.

— Я в снабженцах, потому что боюсь умереть. А на передовой умирают сплошь и рядом.

Старик хмуро меня оглядел. Только теперь я заметила, как пожелтели от табака его жесткие усы и какие усталые и блеклые у него глаза. Он нервно потер запястье, словно желая найти на нем браслет или повязку, а затем сказал:

— Думаешь, от смерти так легко спрятаться? Встал за чужими спинами, и Костлявая не заметит?

— Я не думаю. Я знаю. Я бегу от смерти уже два года, и пока мне это удастся.

Наши взгляды встретились. Что-то в старике казалось мне тревожным. Он не был похож на обычных легионеров. Я слышала грубости и пострашнее, но меня испугали не слова, а взгляд старика — беспощадный, стальной. Однорукий парень махнул на нас и, потеряв интерес к разговору, быстрым шагом пошел в сторону лагеря.

— Бегать от смерти — это не цель, — наконец выдал старый легионер. — У тебя есть цель? Или мечта? То, ради чего можно не бояться смерти.

Я прикрыла глаза. Отчасти потому что едкая пыль Песчаного поля уже проникла сквозь ресницы и царапала глаза, но отчасти и потому, что так было легче вспоминать. Мечта. Далекое слово, откуда-то из детства. Беззаботная девочка рисует красивую белую башню посреди рыжего осеннего леса.

— У меня была мечта. Очень давно. Подняться на башню, на вершине которой можно познать Истину, Надежду и Любовь.

— И что же случилось? — Старикан хитро сощурился.

— Случилась жизнь, — ответила я.

Повернувшись к легионеру спиной, я пошла за одноруким. В голове уже теснились мысли о деньгах, ужине, сне и тысяче мелочей, которые обычно заменяют нам мечты. Однако я слышала, что крикнул мне вдогонку старик:

— Какой смысл бежать от смерти? Без мечты ты и так труп, только пахнешь чуть лучше.

* * *

Наш лагерь больше напоминал толчею на рыночной площади в воскресный день. Солдаты, продажные женщины, дети из разоренных селений, прибившиеся к легиону, скот. Все это скопище галдело с утра до ночи: кричало, стонало от боли, лаяло и отдавало приказы.

По дороге к штабу, где обычно солдатам выдавали жалованье, я наблюдала обычные сцены походной жизни. Вот парень моется

в большом корыте, насвистывая веселый мотивчик. Около одной из палаток лазарета рядом складывают носилки с ранеными в последней битве. Один парень с неглубокой царапиной на тощей груди вяло смотрит на старания врача. Рана совсем пустяковая, но видно — он уже не жилец. За полтора месяца я много таких повидала — в глазах потухает огонь и солдат перестает сражаться за жизнь.

На самом деле эти раны — не травмы кожи, мышц или органов, они значительно глубже. Словно изранили душу, уничтожив саму суть человека. Поле боя — не батальная сцена с красивыми флагами и конницей на белоснежных скакунах, а кровь и внутренности, как следствие жестокости и звериной ярости. Без сожаления солдаты схлестываются с вражеской армией, иногда задевая своих. В этой каше человеческих тел легко ошибиться. Поэтому иной раз солдат не выдерживает — у него пропадает желание бороться за жизнь. И лекари тут, как правило, бессильны.

А вот рядом с пареньком расположился настоящий боец: его ругань слышна на весь лагерь. Он клянет всех: врагов, товарищей, лекарей и даже собственную мать. Одной рукой он прикрывает распоротый живот, жуткую рану, через которую видны его сизоватые внутренности, другой — сжимает бутылку дешевого пойла, к которой постоянно прикладывается. Сколько бы кругов ада такой вояка ни прошел — он будет выживать. Может даже умудрится дожить до конца войны, уедет в свою деревню, найдет там хорошенькую невесту...

Впрочем, это были бессмысленные размышления. Да, война — это страшно, и нудно, и грязно, и тысячи других «и», полный перечень которых знали все солдаты легиона. Но никто ведь не тащил нас сюда за шкуру. Легионеры сражаются за деньги, а не за светлые идеалы. Может, разве что, за идеалы золота? Я тоже пришла сюда по своей воле, и все ужасы войны стали для меня пустым звуком. Ничего они не меняли.

Я пошла мимо темно-синих палаток лазарета, усыпанных серебряными звездами, к багряному шатру, самому большому в лагере. Каждый раз после битвы здесь выстраивались длинные очереди, терявшие свои «хвосты» в недрах нашего «походного дома».

Каждый выживший солдат имеет право на пятнадцать монет. Офицеры — на тридцать. Снабженцы вроде меня — на семь, но только если обошлось без серьезных потерь. Чаще отряды поддержки получают по пять серебряных олов. От серебра там, правда, одно слово да цвет, но монета еще ходовая почти во всех концах нашей страны, кроме, разве что, южных провинций. Те предпочитают торговать настоящими драгоценностями: самоцветами, металлами и рудой. Но моя дорога вряд ли уйдет так далеко от Центрального тракта.

Сегодня очереди за платой не было. Неудивительно, ведь после схватки с Белыми Лилиями минуло уже три дня. Большинство солдат, вернувшихся в лагерь, давно получили свои деньги, потратив их на дешевых девок, выпивку или проиграв все в карты. Тех же, кто погиб, еще не привезли. Поле Песчаных мышей находилось довольно далеко от нашего лагеря, поэтому оплату получили все, кроме тех, кто задержался в пути, да мертвецов, которых будут привозить еще неделю.

Я намеренно выждала пару дней, прежде чем явиться за положенным. Мне не хотелось встретиться с кем-то из тех бравых солдат, что втоптали меня в землю. Вероятность того, что они вспомнят какого-то мальчишку, была крайне мала. Но рисковать не стоило — в вопросах оплаты легионеры были строги. За свои пять олов тыловики хотя бы попытались поучаствовать в битве, я же лежала лицом в пыли и молилась, чтобы у меня не треснули ребра.

Мы, снабженцы, нередко простаивали без дела, и порой нам платили лишь за то, что мы вышли в строй. На случай, если у офицеров возникнут вопросы о моем участии в бою, я приготовила солидный довод: треснувший нагрудник хорошо доказывал мою наигранную доблесть. Он спас мне ребра и подарил надежду на то, что следующая броня будет поудобней.

Перед багряным шатром штаба оказалось лишь несколько человек. Судя по повязкам, все эти ребята только прибыли из лазарета. Приковыляли за заработком, пока их не записали в трупы.

Багряный шатер из потрепанной парусины возвышался над поляной, как огромный пирог. Пока я примерялась и подбирала слова, чтобы выклянчить свой заработок, с противоположной

стороны шатра послышались громкие голоса. Я отошла от стола выдачи, невольно прислушавшись к обрывку разговора, и сообщила, что речь идет, как всегда в этом мире, о деньгах:

— Десять монет и не больше. На мой взгляд, это и так расточительство.

— Но господин, в легионе Белых Лилий мне платили около тридцати, да еще и содержание!

Я не видела говорящих и могла представить их по голосам. Первый мог принадлежать лишь старшему офицеру, так как он был налит тяжеловесной волей и по-военному чеканил каждое слово. Мне он показался странно знакомым. Второй же, наоборот, подрагивал и звучал хоть и нервно, но на удивление мелодично, словно принадлежал певцу. Я уже и забыла, что пришла за деньгами, и обратилась в слух. Мне хотелось узнать, чем закончится спор и выторгует ли просящий лишнюю монету.

— Тебя не убили — считай это частью оплаты. Весь офицерский состав Лилий сейчас болтается вдоль дороги. Не веришь — сам сходи, посмотри. Тебе могут подарить такое же пеньковое ожерелье на шею, как и тем ребятам, и поверь — никто из моих солдат не будет возражать. Наоборот, может даже порадуются. Видишь ли, у нас не песенный легион, и бард нам не нужен. Ты можешь сейчас просто уйти на свой страх и риск, или же написать за десять монет одну жалкую песню для Алой Розы.

Бард... ну тогда все ясно. Эти нелепые хлыщи в шелковых шароварах, словно слепни, прилипали к легионам и сосали денежные запасы армии, изредка радуя генералов своими бездарными сочинениями. Обычно в качестве дара преподносились походные песни, восхваляющие доблесть командиров. А они неплохо зарабатывают. Тридцать монет, как же...

— Но милорд, я...

— Сгинь.

Я поняла, что разговор, к несчастью барда, завершился, но не успела сойти с дороги. Из-за шатра возникла высоченная тень и двинулась прямо на меня, легко, словно пушинку, столкнув с дороги. Мужчина даже не остановился и просто двинулся к синему шатру одного из генералов. Зато, разглядывая спину

грубияна, я наконец-то вспомнила, кто это. Неудивительно, что голос показался мне знакомым. Какая честь — с дороги меня столкнул сам генерал Атос — лучший боец легиона Алой Розы, великолепный наездник и сотня-другая прочих громких титулов. Много историй об этом человеке-легенде я слышала в лагере. Но лишний раз болтать о нем легионеры не решаются. Поговаривают, что он терпеть не может сплетен и скор на расправу. В бою я стою от него слишком далеко, а в лагере он почти все время проводит в своем шатре.

Атос такой странный... Двухметровый крайниец со смуглой кожей и пепельно-серыми волосами, похожими на шапку из какого-то пушного зверя. Как он из-под такой шевелюры вообще видит поле боя остается загадкой. А сражается он, по слухам, просто прекрасно. Под доспехами, хоть и не видно, — гора мышц, будто он круглые сутки машет двуручным мечом. Я слышала, что он может перерубить человека пополам, — но это больше похоже на старушечьи байки. Как ни крути, но для его возраста — двадцать с небольшим — сделать карьеру генерала легиона было завидной судьбой. И кем бы он ни был за пределами легиона, этот парень определенно входил в число лучших бойцов Алой Розы.

Я не разглядела в нем особой красоты, хотя лагерные шлюхи сходили по нему с ума. Скорее что-то демоническое или звериное: вон как передвигается — быстро и бесшумно. Пока я размышляла, его уже и след простыл. Я подошла чуть ближе и заглянула за шатер. Там стоял бард, всхлипывая и прижимая к груди лиру. Нелепый петух в желтых панталонах — в лагере он выглядел еще более чужим, чем я. Но жалости почему-то не вызывал. Лирист, хе-хе.

Я вновь обогнула шатер и направилась к столу, который стоял с другого края. Не стоило забывать, зачем я здесь — за платой. На выдаче сегодня сидели два незнакомых мне солдата, исполнявших роль казначеев. Легионеры явно скучали. Один, что постарше, чистил гравировку на парадной кирасе и, кажется, до ужаса гордился своим офицерским чином.

— Эм... привет, — сказала я, помахав рукой. — Я Лис. Снабженец, третий отряд под командованием Генада.